

европейской литературной традиции доказывается хотя бы первой книгой стихов Пастернака, самым своим названием и одним из ключевых стихотворений — „Сердца и спутники...“ — обязанной этому мифу...»¹⁸ (Видимо, исходя из мифа о близнецах, следовало бы решать вопрос гораздо шире и не ограничиваться только первым сборником Пастернака «Близнец в тучах». Не является ли этот архетип ключом к отгадке генезиса столь важного в мировой литературе топоса, как тема двойничества?)

Ср. также выводы А. Я. Сыркина и Топорова, описавших употребление числовых комплексов триады и тетрады в различных культурных традициях: «Рассмотренные комплексы многообразно отражаются в композиционной и сюжетной организации произведений литературы и изобразительного искусства... Приведенные факты столь универсальны, что делают правдоподобными современные попытки архетипического истолкования данных комплексов».¹⁹ (И впрямь подтверждений тому множество: в частности, об этом свидетельствуют романы Достоевского.²⁰)

Как видно, П2 может реализоваться в литературоведческих исследованиях на самых различных уровнях. Мы вправе проследить с этих позиций трансформационную историю отдельных элементов художественной структуры — простейших семантических оппозиций (как предлагают Вяч. Вс. Иванов и Топоров), числовых комплексов (Сыркин и Топоров), отношений между персонажами (топика двойничества), ядерных метафор,²¹ категорий созданной в литературном произведении картины мира — причинно-следственных, пространственных, временных.²² Но П2 может быть развернут и на уровне «больших структур», которые включают в себя целые комплексы элементов, сообща восходящих к определенному сложному архетипу (работы Проппа и Бахтина).

Имея в виду главным образом не столько изучение «элементарных», сколько изучение «сложных» архетипов, нужно настоятельно предостеречь от одного популярного заблуждения, которое, как это часто бывает, легче опровергнуть, чем объяснить с точки зрения причин происхождения. Многие исследователи (начиная от Фрейденберг вплоть до современных: отчасти это мнение разделяют даже Вяч. Вс. Иванов и Топоров) считают, что о продуктивности архетипических схем следует говорить, не заходя за верхнюю границу Возрождения, что если эти схемы (как суммирует общие взгляды А. А. Аникст) «и применимы до некоторой степени к поэзии до позднего Возрождения, то после победы рационализма 17 в. нахождение такого рода прототипов может быть доказано с большими натяжками».²³ Логическим следствием из такой концепции явилась бы крайне

¹⁸ Вяч. Вс. Иванов. Заметки о типологическом и сравнительно-историческом исследовании римской и индоевропейской мифологии. — В сб.: Труды по знаковым системам, вып. IV. Тарту, 1969, стр. 57.

¹⁹ А. Я. Сыркин, В. Н. Топоров. О триаде и тетраде. — III Летняя школа по вторичным моделирующим системам. Тезисы. Доклады. Тарту, 1968, стр. 117—119. Здесь же напечатан ряд выступлений, посвященных проблеме «Число и культура».

²⁰ О трюичных символах у Достоевского см.: В. Е. Ветловская. Символика чисел в «Братьях Карамазовых». — Совещание «Древнерусская литература и проблемы истории русской культуры XVIII—XX веков». Тезисы докладов. Л., 1969, стр. 14.

²¹ Относительно этого случая см.: А. М. Панченко, И. П. Смирнов. Метафорические архетипы в русской средневековой словесности и в поэзии начала XX века. — ТОДРА, т. XXVI, Л., 1971, стр. 33—49. Ср.: Lawrence Leo Stalberg. The Symbolic System of Majakowskij. London. The Hague. Paris, 1964.

²² См. главы о Гончарове, Достоевском, Салтыкове-Щедрине в кн.: Д. С. Лихачев. Поэтика древнерусской литературы. Л., 1967.

²³ Краткая литературная энциклопедия, т. 4. М., 1967, стлб. 352.